

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по расколо-и секто-вѣдѣнію за первое полугодіе 1902 г.

Вступительныя замѣчанія. — Статистика современнаго расколо-сектантства и успѣхи православной миссіи. — Отрицательная сторона публичныхъ словопреній. — Миссіонерскіе курсы для духовенства. — Дѣленіе сектъ на рационалистическія и мистическія и хронологическій порядокъ изученія русскіхъ сектъ. — Секта хехулитовъ, или каюковъ. — Картинка изъ быта бѣглопоповщины. — Значеніе женщины въ исторіи русскаго раскола. — Изъ переписки архим. Павла (Прусскаго) съ проф. Н. И. Суботинымъ.

Приступая къ обзору статей по расколо-и секто-вѣдѣнію, появившихся въ теченіе минувшаго полугодія на страницахъ духовныхъ журналовъ, считаемъ не излишнимъ оговориться напередъ, что мы совсѣмъ не будемъ касаться той части этого въ общемъ чрезвычайно обширнаго матеріала, которая имѣетъ спеціально-полемиическій характеръ. Разумѣемъ такъ называемыя „бесѣды“, отрывки изъ миссіонерскихъ дневниковъ и всякія иныя разъясненія по вопросамъ, составляющимъ предметъ пререканій между дѣятелями православной миссіи — съ одной стороны и представителями различныхъ формъ расколо-сектантскаго неправомыслія — съ другой. При всемъ своемъ неоспоримомъ значеніи для миссіонерской практики, произведенія этого рода, благодаря своему спеціальному характеру, не представляютъ большого интереса для общей массы читателей богословскаго журнала. Равнымъ образомъ, мы оставимъ въ сторонѣ и всѣ тѣ, довольно многочисленныя, замѣтки и статьи, которыя представляютъ собою отголосокъ и продолженіе прошлогоднихъ толковъ по поводу трехъ „злободневныхъ“ фактовъ нашей церковной

жизни: отлученія отъ церкви графа Л. Н. Толстого, разгрома православной церкви—школы павловскими сектантами и прочитаннаго на орловскомъ миссіонерскомъ сѣздѣ реферата М. А. Стаховича о несомвѣстимости съ принципомъ „свободы совѣсти“ какихъ бы то ни было стѣсненій и ограниченій сектантской пропаганды. Коснувшись ихъ въ настоящемъ обзорѣ, намъ неизбежно пришлось бы расширить послѣдній напоминаніемъ о томъ, что было писано по поводу названныхъ фактовъ въ прошломъ году, между тѣмъ какъ и самыя эти факты въ настоящее время уже въ значительной степени утратили свою первоначальную остроту. Изъ остающагося, за выдѣломъ двухъ указанныхъ группъ, все еще довольно значительнаго по объему журнальнаго матеріала мы постараемся отмѣтить далѣе то, что, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ наибольшаго вниманія.

Начнемъ свой обзоръ съ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ — спеціальнаго органа духовной печати, посвященнаго „всестороннему изслѣдованію и обличенію русскаго сектанства и расколо-старообрядчества“. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить двѣ статьи, близкія по содержанію, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о численности современныхъ послѣдователей расколо-сектанства на Руси и нѣкоторые выводы изъ сообщаемыхъ цифровыхъ данныхъ, имѣющіе большой практической интересъ. Одна изъ нихъ, принадлежащая перу извѣстнаго публициста „Московскихъ Вѣдомостей“, г. Льва Тихомирова, и перепечатанная въ мартовской книжкѣ журнала (стр. 433 и слѣд.) подъ заглавіемъ: „Вѣроисповѣдной составъ Россіи и обязательность для русскаго государства исторической вѣроисповѣдной политики“, имѣетъ своимъ отправнымъ пунктомъ свѣдѣнія о распредѣленіи русскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ, добытыя всеобщей переписью 1897 года и опубликованныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ. По этимъ свѣдѣніямъ, общее число раскольниковъ и сектантовъ въ Россіи, за исключеніемъ финляндской окраины, во время переписи равнялось 2.173.700, составляя, такимъ образомъ, лишь 1,72 % всего населенія имперіи, исчисленнаго въ количествѣ 125.668.190 душъ. Сопоставляя эти данныя съ показаніями „Военно-статистическаго сборника“, относящимися къ 1867 году, авторъ находитъ, что за тридцать лѣтъ, протекшихъ до упомянутой

переписи, отношеніе православной части населенія къ общей цифрѣ его *увеличилось* на 0,1⁰/₀, тогда какъ процентный показатель количества сектантовъ и раскольниковъ *понижился* въ той же самой пропорціи. Оказывается, такимъ образомъ, что „численное преобладаніе православія въ имперіи сохраняется очень прочно“, между тѣмъ какъ сектантство и расколъ „скорѣе уменьшаются, чѣмъ увеличиваются въ числѣ своихъ послѣдователей“. Легко понять, какой вѣскій аргументъ въ пользу неизмѣннаго сохраненія исторической вѣроисповѣдной политики русскаго государства даютъ эти наблюденія, опирающіяся на „послѣднее слово нашей статистики“. Но убѣдительная сила этого аргумента всецѣло зависитъ, конечно, отъ достовѣрности вышеприведенныхъ цифрѣ, добытыхъ всеобщей переписью; а къ этимъ цифрамъ, вслѣдъ за ихъ опубликованіемъ, нѣкоторые органы нашей печати отнеслись, какъ извѣстно, довольно скептически. Выказано было даже мнѣніе (г. Θ. М. въ № 9269 „Новаго Времени“), что всеобщая перепись, вмѣсто раскрытія дѣйствительнаго числа старообрядцевъ, „только ихъ прикрыла“, и что будетъ гораздо ближе къ истинѣ считать ихъ, по—старому, болѣе 15 милліоновъ. Такой скептицизмъ въ отношеніи къ опубликованной центральнымъ статистическимъ комитетомъ цифрѣ современныхъ сектантовъ и раскольниковъ представляется, однако, автору разсматриваемой статьи лишеннымъ всякаго основанія. „Отвергать эту цифру только потому, что она меньше прежней, или осталась безъ возрастанія, очень странно. Почему же въ Россіи раскольники и сектанты непременно должны численно умножаться? Мы знаемъ, что не мало раскольниковъ и сектантовъ ежегодно присоединяется къ православію. Мы видимъ (авторъ показалъ это раньше, тоже на основаніи статистическихъ данныхъ), что естественный приростъ этого слоя феноменально ничтоженъ. Не было бы ничего удивительнаго, если бы при этихъ условіяхъ число расколо-сектантовъ не возросло или уменьшилось. Несомнѣнно, что и при переписи 1897 года было не мало лицъ, скрывшихъ свою принадлежность къ расколу и сектантству. Но нѣтъ основаній преувеличивать ихъ число. Мы видимъ, что перепись пользовалась достаточнымъ довѣріемъ, чтобы о себѣ дали открытыя показанія болѣе 115.000 человекъ разныхъ

„нѣтовцевъ“ и „бѣгуновъ“ и болѣе 5.000 хлыстовъ и скопцовъ... Вообще цифру переписи расколо-сектантовъ должно признать весьма близко къ истинѣ, и на основаніи этого нельзя не думать, что расколо-сектантство у насъ менѣе значительно, нежели доселѣ предполагалось произвольно, на глазомѣръ, по шуму, производимому этимъ слоємъ. Нельзя также сомнѣваться, что православіе болѣе обращаетъ раскольниковъ и сектантовъ, нежели теряетъ отъ ихъ пропаганды. Никакого другого вывода статистика не даетъ права сдѣлать“ (стр. 441—2). Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, устойчивость численнаго преобладанія православія надъ расколомъ и сектантствомъ авторъ склоненъ разсматривать, между прочимъ, и какъ результатъ дѣятельности православной миссіи, парализующей многочисленными обращеніями въ православіе успѣхи расколо-сектантскаго прозелитизма. Мысль эту авторъ повторяетъ и въ другомъ мѣстѣ своей статьи (стр. 437), не давая, впрочемъ, ей болѣе подробнаго обоснованія. Этотъ недочетъ пополняетъ г. Чельцовъ въ статьѣ „О расколѣ, сектанствѣ и миссіи по даннымъ статистики“ („М. Об.“, апр., стр. 644—654), гдѣ представлены еще новыя доказательства если не полной, то приблизительно точности цифры расколо-сектантскаго населенія, устанавливаемой всеобщою переписью 1897 года. Показанія переписи сопоставляются здѣсь съ данными консисторій и миссіонеровъ о количествѣ сектантовъ и раскольниковъ изъ всѣхъ епархій Европейской Россіи, за исключеніемъ Вятской, Новгородской, Пермской, Уфимской и Ярославской, свѣдѣній о которыхъ не было подъ руками у автора. Изъ этого сопоставленія открывается, по его словамъ, „слѣдующій весьма любопытный выводъ: для 16 епархій показанія духовнаго вѣдомства и переписи 1897 г. совпадаютъ (максимумъ разницы плюса или минуса этихъ совпаденій брался только въ 1000); въ 12 случаяхъ показанія духовнаго вѣдомства выше таковыхъ же переписи 1897 г. и въ 14—показанія этой выше таковыхъ же духовнаго вѣдомства. При этомъ считаемъ нужнымъ отмѣтить то положеніе,—продолжаетъ г. Чельцовъ—что плюсъ для показаній духовнаго вѣдомства былъ для епархій—Черниговской 18 т., Тверской 9, Могилевской 6, Тамбовской 5, Пензенской 4, и для остальныхъ—3 тысячи. А цифра переписи 1897 г. превышала епархіяль-

ныя показанія въ епархіяхъ: Саратовской на 23 т., Костромской 16, Московской и Петербургской 9, Нижегородской и Рижской 8, Донской и Кіевской 7, Оренбургской (безъ Уральской области)—6, Виленской 4 и для остальныхъ отъ 3 до одной тысячи. Если же мы теперь подведемъ общіе итоги количеству раскола и сектанства по исчисленію его духовнымъ вѣдомствомъ и переписью 1897 г., то близость ихъ одного къ другому опять—таки поразительна. По исчисленію духовнаго вѣдомства въ Европейской Россіи, за исключеніемъ указанныхъ пяти епархій, всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ будетъ приблизительно около 1.284.412 человекъ. По тѣмъ же губерніямъ, по даннымъ переписи 1897 г., раскольниковъ и сектантовъ будетъ 1.343.020, — разница, какъ видимъ, слишкомъ ничтожна. Если же количество раскольниковъ и въ общихъ итогахъ, и по епархіямъ, по исчисленію ихъ духовнымъ вѣдомствомъ и по переписи 1897 г., болѣе или менѣе совпадаетъ, то не ясный ли это показатель, что мы исчисляемъ расколъ и сектанство вѣрно, и что его не 10 или 15 миллионъ, какъ то хочется выставить нѣкоторымъ, а именно столько, сколько его показываетъ и духовная, и свѣтская статистика“ (стр. 645—6). Опираясь, поэтому, вполне увѣренно на показанія послѣдней относительно числа раскольниковъ и сектантовъ по отдѣльнымъ епархіямъ и сопоставляя ихъ съ соответствующими показаніями „Военно-статистическаго сборника“, относящимися, какъ замѣчено выше, къ 1867 г., авторъ получаетъ возможность отмѣтить рядъ перемѣнъ въ процентномъ отношеніи расколо-сектантской части населенія къ общей его массѣ: повышеніе въ однѣхъ епархіяхъ и пониженіе въ другихъ. Полученные такимъ способомъ результаты, поставленные въ параллель съ данными относительно организаци миссіонерскаго дѣла по епархіямъ, невольно, по его словамъ, приводятъ къ убѣжденію въ справедливости вышеприведеннаго заявленія о пользѣ миссін въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ. „На самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Чельцовъ — нельзя не видѣть, что почти во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ расколъ и сектанство къ 1897 г. уменьшились или возросли очень незначительно, миссія организована болѣе или менѣе давно и хорошо и имѣетъ, какъ и имѣла прежде, видныхъ и дѣятельныхъ своихъ представителей. Возьмемъ хотя бы Дон-

скую епархію: въ ней два епархіальныхъ миссіонера, шесть окружныхъ и два у нихъ помощника; миссія учреждена еще съ 80-хъ годовъ. Въ Олонецкой епархіи одинъ епархіальный и пять окружныхъ миссіонеровъ; не говоря уже о такихъ миссіонерахъ въ ней, какъ еп. Аркадіи, достаточно сказать, что самое устройство свое она начала получать опять съ начала 80-хъ годовъ. Не говоримъ уже про миссію и ея устройство въ епархіяхъ Херсонской, Екатеринославской, Воронежской, Кіевской, Тамбовской и др.: это всѣмъ извѣстно... Еще болѣе мы оцѣнимъ заслуги миссіи, если обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что расколъ и сектантство не возросли именно тамъ, гдѣ они, казалось, должны были возрасти. Припомнимъ исторію нашего сектантства. Гдѣ оно особенно сильно росло и распространялось, какъ не въ епархіяхъ Херсонской, Таврической, Кіевской, Екатеринославской, Тамбовской и др.? И тѣмъ не менѣе оно не выросло тамъ въ опасное явленіе, и не выросло, конечно, главнымъ образомъ, только благодаря усиліямъ мѣстной миссіи. Невольно хочется высказать и другой выводъ, именно—что наша противосектантская миссія лучше поставлена, чѣмъ противораскольническая: и организована она цѣлесообразнѣе, и лучшими силами представляется и руководствуется. Это видно уже изъ того одного, что процентъ сильнаго повышенія раскола и сектантства наблюдается исключительно въ епархіяхъ раскольническихъ. Значитъ, какъ на новое явленіе— на сектантство, начиная съ 80-хъ годовъ, обратили преимущественное вниманіе, постарались въ мѣстахъ его распространенія лучше организовать миссіонерское дѣло; а успѣхи, достигнутые миссіей, должны оправдать ее въ глазахъ общества и церкви“ (стр. 647—8).

Приведенныхъ выдержекъ, думается намъ, совершенно достаточно для того, чтобы уяснить отношеніе обоихъ авторовъ къ статистическимъ даннымъ о численности расколо-сектантской массы и ихъ взглядъ на значеніе православной миссіи въ дѣлѣ борьбы съ расколо-сектантствомъ. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по ихъ поводу. Какъ ни пріятно было бы намъ присоединиться къ мнѣнію о полной достовѣрности общей цифры сектантовъ и раскольниковъ, припютой въ разматриваемыхъ статьяхъ, тѣмъ не менѣе мы

не въ силахъ отрѣшиться вполне отъ нѣкоторыхъ сомнѣній на этотъ счетъ. Основаніемъ для нихъ служить тотъ общеизвѣстный (не оспариваемый и нашими авторами) фактъ, что собраніе статистическихъ свѣдѣній относительно сектантства и раскола соединяется съ особыми трудностями, неизбѣжнымъ результатомъ которыхъ должно быть болѣе или менѣе значительное отклоненіе официальныхъ показаній отъ дѣйствительнаго числа раскольниковъ и сектантовъ, и именно—въ сторону *уменьшенія* этого числа ¹⁾. Сопоставленіе данныхъ всеобщей переписи съ показаніями духовныхъ консисторій и органовъ православной миссіи, дѣлаемое въ статьѣ г. Чельцова, не только не устраняетъ этихъ сомнѣній, но—какъ намъ кажется—даетъ для нихъ даже новую опору. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли совпаденіе конечныхъ итоговъ официальной духовной статистики служить вполне убѣдительнымъ доказательствомъ ихъ точности, когда въ частностяхъ показанія той и другой значительно расходятся между собою, отклоняясь другъ отъ друга на десятки тысячъ и болѣе? Объяснять это обстоятельство, вслѣдъ за названнымъ авторомъ, тѣмъ, что „перепись застала далеко не всѣхъ жителей на мѣстахъ ихъ родины, гдѣ—предполагается—они зарегистрированы духовнымъ начальствомъ, значитъ, на нашъ взглядъ, строить заключенія на предположеніи, ничѣмъ не доказанномъ и потому не имѣющемъ силы тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ установленіи точныхъ цифровыхъ датъ. И если, съ другой стороны, на статистическихъ показаніяхъ духовнаго вѣдомства, дѣйствительно, могли отразиться „скрытность сектантовъ въ однѣхъ епархіяхъ и извѣстность ихъ для духовенства въ другихъ, то вѣдь нѣтъ никакой возможности отрицать то же самое и въ отношеніи къ даннымъ всеобщей переписи, которая, какъ извѣстно, была встрѣчена населеніемъ далеко не одинаково. Принявши во вниманіе это послѣднее обстоятельство, едва-ли можно будетъ согласиться съ заявленіемъ г. Чельцова, что частичная разница въ духовной и свѣтской регистраціи раскольниковъ не имѣетъ значенія, а важенъ лишь фактъ совпаденія общаго количества раскольниковъ и сектантовъ по двумъ пе-

¹⁾ Въ особенности это неизбѣжно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается сектъ, относимыхъ закономъ къ разряду „особенно вредныхъ“.

реписямъ ихъ. Мы думаемъ, наоборотъ, что было бы гораздо ближе къ истинѣ обратить вниманіе не столько на это совпаденіе, сколько на различіе частичныхъ показаній, которыми и слѣдуетъ прежде всего воспользоваться для исправленія общихъ итоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ основѣ этихъ показаній какъ у переписчиковъ 1897 года, такъ и у собирателей духовно-статистическихъ свѣдѣній лежитъ точный подсчетъ единичныхъ случаевъ принадлежности къ расколо-сектантству, констатируемыхъ первыми—по заявленіямъ самихъ зарегистрируемыхъ лицъ, вторыми—по признакамъ, нужно думать, вполне опредѣленнымъ и убѣдительнымъ. При такихъ условіяхъ въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ скорѣе можно допустить, что они помѣстили въ группу православныхъ извѣстное количество лицъ, скрывающихъ свою принадлежность къ расколу или сектамъ, чѣмъ наоборотъ—отмѣтили православныхъ въ числѣ раскольниковъ и сектантовъ. А отсюда очевидно, что игнорировать различіе частичныхъ показаній духовной и свѣтской оффиціальной статистики нѣтъ основаній, и что при существованіи такого различія для конечныхъ итоговъ должны быть приняты *максимальныя* цифры той и другой. Повышеніе общей цифры сектантовъ и раскольниковъ при этомъ, правда, не будетъ очень значительнымъ и выразится лишь въ десяткахъ тысячъ; но уже и это, будучи равносильно соотвѣтствующему пониженію общей цифры православныхъ, должно внести нѣкоторую перемѣну въ сопоставленіе этихъ цифръ и въ установленіе процентнаго отношенія двухъ данныхъ группъ населенія къ общей его массѣ. Мы не говоримъ уже о томъ, что и при такомъ приѣмѣ подсчета общая цифра послѣдователей раскола и сектъ, безъ сомнѣнія, будетъ ниже дѣйствительной ихъ численности, затушевываемой въ неопредѣленныхъ и, быть можетъ, довольно значительныхъ размѣрахъ скрытностью раскольниковъ и сектантовъ. Во всякомъ случаѣ, статистическій аргументъ въ пользу большей численной устойчивости православной части населенія сравнительно съ расколо-сектантской нужно будетъ признать болѣе чѣмъ сомнительнымъ, равно какъ и то положеніе, что „православіе больше обращаетъ раскольниковъ и сектантовъ, нежели теряетъ отъ ихъ пропаганды“. Для провѣрки этого послѣдняго утвержденія оказываются очень кстати статистическія же

свѣдѣнія о *естественномъ* движеніи русскаго населенія по исповѣданіямъ, приводимыя въ статьѣ г. Тихомирова. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія, относящіяся къ 1899 г., касаются лишь 50 губерній Европейской Россіи. Для православнаго населенія они показываютъ: рожденій—52, смертность—35 и прирость—17 человекъ на 1000. Если эти цифры 50 губерній вѣрны и въ отношеніи всей имперіи, то „православное населеніе имѣетъ огромный естественный прирость, а по плодовитости стоитъ на первомъ мѣстѣ. Его размноженіе подрывается лишь необычайною смертною, но даже и при этомъ стоитъ выше всѣхъ, наравнѣ съ магометанами“. Что же касается сектантовъ и раскольниковъ, то — наоборотъ — естественный прирость ихъ *наименьшій* изъ всѣхъ исповѣданій (9 человекъ на 1000 при цифрахъ рожденій — 29 и смертности—20) и *почти вдвое меньше, чѣмъ у православныхъ*. „Статистическія данныя—продолжимъ словами г. Тихомирова — не позволяютъ разграничить рождаемость и смертность раскольниковъ и сектантовъ: они показаны въ одной графѣ. Но извѣстно, что среди старообрядцевъ — поповцевъ общественный бытъ отличается большею частію, строгою нравственностью, такъ что въ этой части раскола рождаемость должно предполагать не ниже православной, а смертность, вѣроятно, и ниже. Поэтому трудно предположить у нихъ слабый прирость. Но если такъ, то у остальной половины раскола, т. е. у части безпоповства и въ сектанствѣ ничтожность рождаемости должна быть поразительною, и *естественный прирость безпримѣрно низокъ*. Должно, поэтому, предполагать, что эти секты удерживаются на своемъ нынѣшнемъ численномъ уровнѣ въ значительной части путемъ прозелитизма, т. е. совращенія изъ православія и старообрядческаго раскола“. Внимательный читатель приведенныхъ словъ безъ труда усмотритъ, что подъ перомъ г. Тихомирова статистика изъ сомнительнаго доказательства успѣховъ православной миссіи въ средѣ расколо-сектантства неожиданно превращается въ довольно вѣское обоснованіе совсѣмъ противоположной мысли. Въ самомъ дѣлѣ, если процентное отношеніе къ общей массѣ населенія православной и расколо-сектантской его части, не смотря на громадную разницу естественнаго ихъ прироста, въ существѣ дѣла не измѣнилось за послѣдніе тридцать лѣтъ, то отсюда яснѣе

дня, что обѣ эти группы поддерживаются на своемъ настоящемъ уровнѣ не чѣмъ инымъ, какъ искусственнымъ ростомъ одной изъ нихъ на счетъ другой путемъ прозелитизма. Другими словами, *пропаганда расколо-сектанства въ православной средѣ должна быть признана гораздо болѣе успѣшною, чѣмъ дѣятельность православной миссиі среди раскольниковъ и сектантовъ*. Вотъ почему, отнюдь не отрицая совсѣмъ значенія миссиі, какъ средства противодѣйствія успѣхамъ расколо-сектанства, мы никакъ не можемъ согласиться съ слишкомъ оптимистическими воззрѣніями на этотъ счетъ нашихъ оо. и гг. миссіонеровъ. Очевидно, намъ еще очень далеко до идеальной постановки этого дѣла, коль скоро оно, по достигаемымъ результатамъ, не можетъ пока стать на одномъ уровнѣ съ современной расколо-сектантской пропагандой. Замѣчаніе это едва-ли не въ одинаковой мѣрѣ приложимо какъ къ противораскольнической миссиі, такъ и къ противосектантской, вопреки мнѣнію г. Чельцова, въ безусловной вѣрности котораго нельзя не усомниться въ виду все тѣхъ же вышеприведенныхъ выводовъ его сотоварища по журналу. Выводы эти достаточно объясняютъ и независимо отъ успѣховъ миссиі процентное пониженіе расколо-сектанства для епархій, являющихся въ настоящее время мѣстами преимущественной распространенности безпоповщины и нѣкоторыхъ крайнихъ сектъ, и наоборотъ — дѣлаютъ вполне понятнымъ его повышеніе тамъ, гдѣ расколъ распространяется преимущественно въ формѣ поповщины. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ главнымъ факторомъ количественныхъ измѣненій съ полнымъ правомъ можетъ быть признана сама неправославная среда съ извѣстною совокупностью ея религіозно-бытовыхъ условий, вліяющихъ на ея естественный приростъ. Съ другой стороны, нельзя не признать, что повышеніе статистическихъ показаній относительно раскола и сектъ нерѣдко является результатомъ усилившагося вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ вниманія мѣстной администраціи къ состоянію православія въ краѣ и большей освѣдомленности ея и дѣятелей миссиі относительно дѣйствительнаго числа мѣстныхъ раскольниковъ и сектантовъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что сектантство во многихъ своихъ развѣтвленіяхъ, и въ особенности въ тѣхъ, которыя за послѣдніе годы распространяются наиболѣе успѣш-

но, отличается большею скрытностію сравнительно съ старообрядческимъ расколомъ. Это послѣднее обстоятельство въ общемъ ставитъ противосектантскихъ миссіонеровъ въ менѣе благопріятныя условія для собиранія точныхъ статическихъ свѣдѣній о своихъ противникахъ, чѣмъ ихъ противораскольническихъ коллегъ, и болѣе отрадныя цифровыя показанія первыхъ сплошь да рядомъ могутъ быть лишь результатомъ ихъ меньшаго знакомства съ размѣрами того зла, съ которымъ они ведутъ борьбу. Имѣя въ виду все это, нельзя не признать, что въ вышеприведенныхъ сужденіяхъ многое и многое еще нуждается въ основательной провѣркѣ.

Коснувшись въ предыдущихъ замѣчаніяхъ вопроса объ успѣшности нашей миссіи въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ, считаемъ не излишнимъ сказать относительно этого и еще нѣсколько словъ, навѣянныхъ статьею того же журнала „О молитвѣ, какъ душѣ и силѣ миссіи“ (см. янв., стр. 3—11). Намъ уже не разъ случалось высказать на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ свое глубокое убѣжденіе, что существеннѣйшее орудіе успѣшной борьбы православія съ расколо-сектантствомъ заключается отнюдь не въ тѣхъ публичныхъ полемическихъ словопреніяхъ, которыя составляютъ главное, на что направляется и въ чемъ проявляется дѣятельность современной миссіи. Не отрицая нисколько необходимости противопоставлять публичной пропагандѣ религіознаго заблужденія, производящей соблазнъ и смущеніе въ православной средѣ, публичное же изобличеніе его предъ лицомъ соблазняемыхъ, мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на дѣло печальной и самой крайней необходимости, на тѣ словесные турниры, въ которыхъ становится предметомъ діалектическаго состязанія то, что должно составлять святыню религіознаго сознанія и чувства. Нужно, однако, замѣтить, что такой взглядъ на публичныя собесѣдованія далеко не пользуется сочувствіемъ большинства тѣхъ, кто ведутъ въ настоящее время борьбу съ расколо-сектантствомъ. Не далѣе, какъ въ 1897 г., на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани, однимъ изъ нихъ было даже внесено предложеніе—возбудить надлежащее ходатайство о воспрещеніи органамъ духовной и свѣтской печати сообщать неблагопріятныя свѣдѣнія и сужденія о такихъ бесѣдахъ вообще и неудачномъ веденіи ихъ въ нѣкоторыхъ отдѣль-

ныхъ случаяхъ. Предложеніе это, какъ совершенно безнадежное само по себѣ, разумѣется, не было принято съѣздомъ, который—къ чести его нужно сказать—большинствомъ своихъ членовъ высказался за полную свободу сужденій о данномъ предметѣ въ печати, справедливо признавши открытую борьбу мнѣній лучшимъ средствомъ отысканія истины въ спорномъ вопросѣ. Это не помѣшало, конечно, и многимъ изъ тѣхъ, кто высказался противъ упомянутаго предложенія, остаться при мысли, что публичныя бесѣды специалистовъ-миссіонеровъ съ жожаками и пропагандистами расколо-сектантства составляютъ главный и наиболѣе цѣнный миссіонерско-стратегическій приемъ. Забота о непремѣнномъ примѣненіи его, въ надеждѣ на большой успѣхъ и несомнѣнную пользу для дѣла православной миссіи, заходитъ такъ далеко, что въ миссіонерскихъ журналахъ печатаются даже спеціальныя замѣтки по вопросу о томъ, „что отвѣчать раскольникамъ на ихъ отговорки отъ бесѣды съ православнымъ миссіонеромъ или священникомъ“ (см. „Мисс. Обзор.“ за текущій годъ, мартъ, стр. 500—502), а въ отдѣльныхъ случаяхъ признавалось даже не уумѣстнымъ и энергическое содѣйствіе полиціи для того, чтобы сломить упорство отговаривающихся. Не раздѣляя такого чрезмѣрнаго увлеченія публичными собесѣдованіями, мы съ особеннымъ удовольствіемъ пользуемся возможностью отмѣтить, что изъ среды самихъ миссіонеровъ начинаютъ раздаваться голоса, указывающіе отрицательную сторону такихъ словесныхъ состязаній и видящіе въ нихъ лишь „соблазнительную необходимость“, неустранимую въ извѣстныхъ случаяхъ. Тономъ искренняго, наболѣвшаго чувства звучать сужденія миссіонера-священника, о. І. Дмитріевскаго (въ вышеуказанной статьѣ „о молитвѣ“), объ этихъ состязаніяхъ, нерѣдко облеченныхъ во всеоружіе ученой мудрости и силы. „Тяжелое впечатлѣніе—говоритъ онъ—производитъ эта словесная битва текстами св. писанія; тяжело видѣть, какъ слово мира обращается въ оружіе борьбы, какъ разгоряченныя стороны въ возбужденіи и запальчивости въ перемѣшку съ самыми пустыми, а иногда и оскорбительными словами, бросаются текстами св. писанія. Наши законы караютъ за непочтительное обращеніе съ священными предметами и предоставляютъ христіанскому чувству вѣру-

сихъ охранять святыню слова Божія, а раскольники и сектанты вынуждаютъ насъ, миссіонеровъ, устраивать турниры, поединки, дуэли изъ слова Божія, гдѣ стрѣляютъ текстами съ цѣлью поранить, побить противника и тѣмъ еще мнѣть службу совершать Богу! Страшная, кощунственная, соблазнительная необходимость, горестный удѣлъ миссіонерскаго служенія!“ Авторъ склоненъ видѣть причину всего этого въ ослабленіи христіанскаго чувства и недостаткѣ молитвеннаго настроенія у дѣятелей миссіи. „Молись-же, миссіонеръ, если хочешь во свѣтъ благодати совершать дѣло Божіе!“—увѣщаетъ онъ: „молись какъ можно болѣе и сильнѣе, принуждай себя къ молитвѣ, неустаннымъ упражненіемъ воспитай въ себѣ любовь къ молитвѣ,—полюби бесѣду съ Богомъ, и тогда ты будешь лучшимъ собесѣдникомъ съ заблуждающимися; отъ тебя будетъ вѣять внутреннимъ огнемъ вдохновенія; изъ тебя будетъ исходить неотразимая сила внутренняго воздѣйствія; ты, какъ пророкъ, будешь глаголомъ жечь сердца людей“. Очевидно, такого миссіонера-пророка и самъ авторъ долженъ представлять себѣ скорѣе въ видѣ вдохновеннаго пастыря—проповѣдника Христовой истины и властнаго обличителя заблужденій предъ лицомъ православнаго собранія, чѣмъ въ видѣ собесѣдника съ раскольниками и сектантами, „перебрасывающагося“ съ ними текстами и устраивающаго словесные турниры.

Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ уже намѣчается до извѣстной степени та постановка православно-миссіонерскаго дѣла, которую нужно признать наиболѣе цѣлесообразной и желательной. Какъ бы убѣдительно ни была доказана необходимость и польза для настоящаго времени специально организованной миссіи для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, тѣмъ не менѣе на нее нельзя смотрѣть иначе, какъ на дополнительное средство, получившее значеніе главнаго лишь въ силу обстоятельствъ, устранимость и желательность устраненія которыхъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Главную же силу для усиленной борьбы съ современнымъ воинствующимъ сектантствомъ и застарѣлыми предубѣжденіями старообрядчества нужно видѣть не въ специально-назначаемыхъ дѣятеляхъ миссіи, а въ приходскомъ духовенствѣ, которое ближе стоитъ къ духовнымъ интересамъ и нуждамъ своей паствы и можетъ постоянно, а не

спорадически и мимоходомъ воздѣйствовать на нее. Всесторонняя подготовка пастырей къ миссіонерству въ средѣ своего прихода — вотъ та важная и существенная задача, которая должна стоять на первомъ планѣ и которая, нужно признаться, еще слишкомъ далека отъ своего осуществленія. Главный недочетъ этой подготовки въ настоящее время, когда ученіе о расколѣ и сектахъ составляетъ обязательный предметъ во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ, состоитъ, разумѣется, не въ недостаткѣ теоретическихъ свѣдѣній, въ частности и относительно расколо-сектантства, выносимыхъ кандидатами священства изъ школы, а въ отсутствіи у нихъ практическаго знакомства съ раскольниками и сектантами, ихъ ученіемъ, полемикой, ихъ направленіемъ, характеромъ, приѣмами борьбы и т. п. Одно изъ дѣйствительныхъ, по мнѣнію автора, средствъ къ восполненію такого недочета рекомендуется о. *П. Стещенко* въ статьѣ: „Миссіонерскіе курсы для духовенства, какъ не испытанная еще въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ мѣра“ („Мисс. Обзор.“, май, стр. 813—821). Организациія предполагаемыхъ курсовъ представляется здѣсь въ слѣдующемъ видѣ. „Контингентъ слушателей долженъ набираться изъ однихъ священниковъ, при чемъ большій процентъ долженъ вызываться изъ мѣстъ, зараженныхъ сектантствомъ. Священники должны назначаться на курсы по порядку: въ одномъ году, напримѣръ, изъ извѣстнаго благочинническаго округа посылается 10 священниковъ, въ другомъ году уже другіе 10 и т. д., пока не побываютъ всѣ, потомъ снова повторяется прежній порядокъ и т. д. Вопросъ о томъ, кто же будетъ управлять оставленнымъ хотя на мѣсяць приходомъ, кто будетъ пасти покинутое стадо, не долженъ смущать кого бы то ни было и препятствовать благому начинанію, такъ какъ въ каждомъ благочинническомъ округѣ есть и двухклирныя церкви, откуда, стало быть, всегда можно одного священника командировать на временно вакантный приходъ, а кромѣ того, на мѣсяць, на полтора, безъ всякаго ущерба для монастырей, можно вызвать и іеромонаховъ“. Самыя занятія на курсахъ, по мысли автора, должны состоять въ слушаніи лекцій относительно современныхъ формъ расколо-сектантства и относительно приѣмовъ и средствъ борьбы съ ними, оправдываемыхъ указаніями практики. Сверхъ того, „въ широкихъ размѣрахъ должна практико-

ваться полемика, въ которой больше всего развивается гибкость ума и диалектика, и которая закрѣпляетъ въ памяти приобрѣтенное въ аудиторіи. Первое время курсисты должны полемизировать между собою въ стѣнахъ учебнаго заведенія, не публично, чтобы никто изъ непрічастныхъ дѣлу миссіи не былъ свидѣтелемъ естественныхъ первыхъ неудачъ и чрезъ это не вынесъ бы ложнаго представленія о цѣлесообразности самой миссіи; затѣмъ уже, когда будетъ усвоенъ извѣстный навыкъ, болѣе рѣшительный тонъ, когда будутъ получены болѣе широкія свѣдѣнія и узнаны необходимыя приемы борьбы, тогда, конечно, умѣстны и цѣлесообразны будутъ и публичныя собесѣдованія, и публичная полемика съ врагами православія; завершеніемъ же и, такъ сказать, финаломъ занятій должны быть экскурсіи, хотя по группамъ, въ мѣста, густо населенныя толстовцами, штундистами и другими совратившимися на путь заблужденія и суевѣрій, и устройство въ этихъ разсадникахъ лжи и обмана собесѣдованій съ самими сектантами“. Этотъ послѣдній элементъ курсовыхъ занятій о. Стешенко признаетъ за особенно необходимый и существенный: экскурсіи, надѣется онъ, „вызываютъ живой обмѣнъ впечатлѣній, думъ и чувствъ, навѣянныхъ непосредственнымъ столкновеніемъ съ раскольниками и сектантами; вызываютъ, быть можетъ, много прекрасныхъ рефератовъ и статей, заставляютъ многихъ высказаться по поводу видѣннаго и подѣлиться полученными свѣдѣніями, и кто знаетъ,—быть можетъ, многихъ такъ интересуютъ положеніемъ и обязанностью миссіонера, что они, оставивъ свои благодатные уголки мира и покоя, простившись съ своими благочестивыми православными прихожанами, уйдутъ въ самые центры и разсадники пагубныхъ лжеученій, смѣло, съ юношеской энергіей, съ рискомъ для жизни, выступятъ на открытую борьбу съ врагами православія; твердо, неустержимо, съ надеждой на Бога и вѣрой въ правоту своего дѣла ринутся въ самые густые ряды агитаторовъ и вожаковъ расколо-сектантскихъ разгонять ложь и обманъ и проводить въ темную среду яркій свѣтъ истины Христовой и высшей правды“. Вообще же курсовыя занятія должны оказать незамѣнимую услугу тѣмъ, кто при искреннемъ желаніи послужить миссіонерскому дѣлу не находятъ въ себѣ рѣшимости на это, не будучи увѣрены въ своихъ силахъ и въ

правильности своихъ представленій объ условіяхъ предстоящей борьбы. Курсы „дадутъ этимъ пытливымъ людямъ ключъ къ разрѣшенію назрѣвшихъ сомнѣній и вопросовъ: здѣсь эти мучимые сомнѣніями встрѣтятъ цѣлыя десятки (?) своихъ собратьевъ изъ мѣстъ, зараженныхъ расколомъ и сектантствомъ, которымъ уже неоднократно приходилось сталкиваться съ самыми дикими и необузданными вспышками сектантскаго фанатизма и при полемикѣ не разъ приходилось считаться съ самыми хитрыми подходами и уловками. И вотъ здѣсь то на досугѣ, въ товарищеской бесѣдѣ эти испытанные въ тяжелой борьбѣ подѣлятся своими мыслями и наблюденіями съ случайными друзьями, расскажутъ имъ многое изъ своей миссіонерской практики, повѣдаютъ многое о жизни и характерѣ раскольниковъ и сектантовъ“.

Мы не станемъ долго останавливаться на разборѣ изложеннаго проэкта, носящаго на себѣ слѣды явнаго увлеченія моднымъ въ настоящее время стремленіемъ къ устроенію всевозможныхъ курсовъ. Авторъ проэкта принадлежитъ, очевидно, къ числу ярыхъ сторонниковъ публичныхъ состязаній, и важнѣйшая сторона миссіонерской подготовки для него сводится не къ чему иному, какъ къ усвоенію въ возможномъ совершенствѣ искусства „перебрасываться текстами“ и упражняться въ „препрѣтельныхъ“ чловѣческой премудрости словесѣхъ“ тамъ, гдѣ нужно прежде всего — явленіе христіанскаго духа и силы. Надлежащая оцѣнка такого пониманія основныхъ задачъ миссіи дана нами выше, и нѣтъ надобности, поэтому, подробно доказывать бесполезность, чтобы не сказать — положительный вредъ такого учрежденія, которое будетъ отрывать приходскихъ пастырей на мѣсяць и на полтора отъ ихъ паствы съ спеціальною цѣлью — развить въ нихъ смѣлость и вкусъ къ религіознымъ словопреніямъ. Мы не думаемъ, чтобы и самъ авторъ сталъ очень настойчиво отстаивать возможность основательнаго усвоенія на четырехнедѣльныхъ курсахъ того, что, по его словамъ, никогда не усвоится, но непременно *должно* быть усвоено каждымъ на семинарскихъ урокахъ. Считаемъ излишнимъ оспаривать и то его положеніе, что восполненіе возможныхъ пробѣловъ знанія о расколѣ и сектантствѣ, нужныхъ для пастырской борьбы съ ними, невозможно при посредствѣ существующей спеціальной литературы, а требуетъ непре-

мѣнно слушанія священниками „лекцій“ на проектируемыхъ миссіонерскихъ курсахъ. Но не можемъ не высказаться съ полною рѣшительностію противъ непристойной кукольной комедіи искусственно устроиваемыхъ состязаній, гдѣ на долю пастырей же должна выпадать роль апологетовъ и рьяныхъ защитниковъ расколо-сектантства. Не есть ли это въ существѣ дѣла та же самая, но только еще болѣе предосудительная вслѣдствіе своей искусственности, „битва текстами св. писанія“, мысль о которой отзывается, какъ мы видѣли, болью въ сердцѣ миссіонера даже въ томъ случаѣ, когда дѣло касается настоящихъ бесѣдъ съ заблуждающимися? И неужели можно еще серьезно говорить о подготовленіи *этимъ* способомъ къ успѣшному выполненію миссіонерскаго дѣла въ его настоящей, живой обстановкѣ? Трудно, думается намъ, ожидать большой пользы и отъ экскурсій, налагающихъ на пастырское ознакомленіе съ расколо-сектантствомъ какую-то печать торжественности и официальнойности, да едва-ли въ нихъ и есть дѣйствительная надобность для священника, имѣющаго раскольниковъ или сектантовъ въ собственномъ своемъ приходѣ. Ближайшее ознакомленіе съ ними, столь удобное и доступное безъ всякихъ экскурсій, есть его настоящая и прямая задача, его священная обязанность: онъ долженъ знать тѣ заблужденія и бороться съ тѣми соблазнами, которые угрожаютъ его паствѣ,—это прежде всего. Говоря это, мы далеки отъ мысли замкнуть каждаго пастыря-миссіонера въ рамки его только приходскихъ интересовъ и отнюдь не отрицаемъ желательности и даже необходимости того живого общенія и обмѣна указаній миссіонерскаго опыта, о которомъ такъ краснорѣчиво говорится въ рассматриваемой статьѣ. Но для этого обмѣна, для сближенія между дѣятелями приходской миссіи и для „товарищескихъ бесѣдъ“ ихъ о больномъ и дорогомъ для каждаго дѣлѣ вовсе нѣтъ надобности въ проектируемыхъ авторомъ курсахъ, когда все это можетъ быть осуществлено, и при томъ несравненно легче и удобнѣе, посредствомъ давно уже практикуемыхъ кое-гдѣ *създовъ* духовенства изъ приходовъ, зараженныхъ расколо-сектантствомъ, для совместнаго обсужденія средствъ и приемовъ борьбы съ этимъ зломъ нашей церковной жизни. Нужно только, чтобы на ряду съ болѣе или менѣе торжественными и официальными епархіальными

миссіонерскими сѣздами вошли въ обычай болѣе скромныя и по возможности чуждыя всякой оффиціальности собранія пастырей—миссіонеровъ по небольшимъ округамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ приходоу. Такія собранія дадутъ полную возможность начинающимъ свою приходско-миссіонерскую дѣятельность пастырямъ искренно повѣдать о своихъ недоумѣніяхъ и затрудненіяхъ болѣе опытнымъ, „испытаннымъ въ тяжелой борьбѣ“, а этимъ послѣднимъ— „подѣлиться своими мыслями и наблюденіями съ случайными друзьями“ и „разсказать имъ многое изъ своей миссіонерской практики“, чего такъ желаетъ нашъ авторъ. Остается и намъ только пожелать успѣшнаго распространенія повсюду такихъ сѣздовъ.

Отъ статей, посвященныхъ разсмотрѣнію современной постановки православной миссіи и средствъ къ практической подготовкѣ ея дѣятелей, обратимся къ сужденію относительно группировки современныхъ видовъ русскаго сектантства, принятой при школьномъ ихъ изученіи. Вопросу объ учебной классификаціи русскихъ сектъ посвящена статья г. Чельцова „о дѣленіи русскихъ сектъ на раціоналистическія и мистическія“ (мартъ, стр. 421—432). Такое дѣленіе въ нашей учебной литературѣ мотивируется тѣмъ, что однѣ секты „отвергаютъ авторитетъ церкви и допускаютъ свободумысліе въ толкованіи св. писанія“, тогда какъ отличительную особенность другихъ составляетъ то, что „принадлежащія къ этимъ сектамъ—не люди разсудка, какъ раціоналисты, а мистики, люди безотчетнаго чувства; они учатъ о непосредственномъ отношеніи человѣка къ Богу; члены ихъ дѣлаются богами, христами, пророками, богородицами, пророчицами“. Авторъ находитъ неосновательнымъ самое это разграниченіе отличительныхъ признаковъ и путемъ анализа послѣднихъ старается доказать, что какъ раціонализмъ, такъ и мистицизмъ нашего сектантства не составляютъ исключительной принадлежности секты того или другого наименованія,—что секты такъ называемыя мистическія (хлыстовство и скопчество) въ своемъ отрицаніи авторитета церкви, православно-церковной обрядности и въ пріемахъ истолкованія св. писанія не расходятся существенно съ сектами раціоналистическими (молоканствомъ и духоборчествомъ), а эти послѣднія въ свою очередь не чужды примѣси ми-

стическаго начала, и при томъ въ довольно значительной степени, такъ что разница между сектами обѣихъ группъ, по его словамъ, „не качественная, а количественная“. Можно говорить лишь о большей или меньшей степени присутствія того и другого элемента въ тѣхъ или другихъ сектахъ,—а это ведетъ „не къ необходимому дѣленію сектъ, а скорѣе къ признанію единства ихъ первоначальнаго происхожденія, къ признанію ихъ внутренняго родства и внутренней зависимости однѣхъ сектъ отъ другихъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, скажемъ кратко, нужно только не забывать того простаго факта, что выродились эти секты изъ религіознаго сознанія одного и того же народа, который одинаково всюду и раціоналистъ, и мистикъ,—явились онѣ въ скоромъ времени одна послѣ другой,—явились почти въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ,—явились съ большей или меньшей наклонностью къ раціонализму или къ мистицизму въ зависимости отъ жизненныхъ и интеллектуальныхъ условій времени и сознанія самого народа“. Не оправдываемое, такимъ образомъ, по мнѣнію автора, дѣйствительнымъ характеромъ и исторіею самыхъ сектъ, дѣленіе ихъ на раціоналистическія и мистическія не представляется ему удобнымъ и въ чисто-учебныхъ цѣляхъ. Наоборотъ, „это дѣленіе, по которому сначала изучаются секты раціоналистическія, и прежде всего духоборчество съ молоканствомъ, привноситъ много запутанности въ сознаніе изучающихъ ихъ. Встрѣчаясь часто съ мистическимъ элементомъ въ вѣроученіи этихъ первыхъ сектъ, трудно бываетъ сопоставить его съ мистицизмомъ послѣднихъ сектъ. Отсюда не улавливаются въ желательной степени пункты сходства между этими вѣроученіями. А это весьма важно. По изученіи же хлыстовщины остаешься съ такимъ недоумѣніемъ: что-де въдь многое изъ ихъ вѣроученія встрѣчалось и прежде въ вѣроученіи другихъ сектъ,—нѣтъ ли между ними какого-нибудь сходства или даже родства? Не говоримъ уже о томъ, что при такомъ изученіи нельзя слѣдить за развитіемъ русскаго сектанства и, слѣдовательно, за развитіемъ русскаго религіознаго самосознанія въ путяхъ его уклоненія отъ истины православія. Немаловажно и практическое неудобство. Намъ приходилось встрѣчаться съ лицами, близко стоящими къ сектанству. Ихъ ставить положительно втупикъ замѣчае-

мое ими смѣшеніе раціоналистическихъ и мистическихъ элементовъ въ сознаніи и въ вѣроученіи какого-нибудь новаго сектанта или новой общины. Имъ, изучившимъ сектантство по этой системѣ раздѣленія и привыкшимъ видѣть только то-то и то-то въ извѣстной сектѣ, естественно, трудно отдать себѣ отчетъ при встрѣчѣ съ помѣсью различныхъ вѣроученій въ одномъ какомъ-нибудь ученіи. И вотъ они и недоумѣваютъ, что это за новое явленіе, какъ оно могло явиться, радоваться ему или печалиться. Такъ это дѣленіе убиваетъ живую мысль о томъ, что между этими сектами не только возможны, но даже должны происходить частыя смѣшенія, частыя заимствованія однѣми отъ другихъ“. Но въ такомъ случаѣ какого же порядка держаться при школьномъ изученіи сектъ? Авторъ находитъ, что „резоннѣе и гораздо полезнѣе изучать секты безъ всякаго ихъ дѣленія, изучать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, начиная съ хлыстовщины. Это потому, что изученіе въ порядкѣ появленія покажетъ намъ исторію появленія каждой секты, выяснитъ ту почву, на которой возникла она, тѣ условія и мотивы, которыми вызвана, и то родство и зависимость, въ которыхъ она стоитъ къ предшествующему сектантскому направленію. А это будетъ весьма полезно для изучающаго. Оно выяснитъ ему духъ и потребности русскаго народа, укажетъ, на что онъ обращаетъ преимущественное свое вниманіе, что его волнуетъ и возмущаетъ, отъ чего онъ отвращается и чего ищетъ. Только при такомъ изученіи можно будетъ прослѣдить весь внутренній процессъ религіозныхъ терзаній и радостей народа, его исканій, желаній и идеаловъ. А разъ это будетъ узвано, то легко можно будетъ придти къ нему съ помощью. Если извѣстны будутъ главные мотивы и предметы его волненій, то легко ихъ и уврачевать; если извѣстно будетъ, что въ жизни и ученіи православной церкви его смущаетъ, то легко будетъ и разъяснить ему это и убѣдить его. Дѣленіе же на раціоналистическія и мистическія секты не только затрудняетъ, но часто дѣлаетъ положительно невозможнымъ опредѣлить то общее и существенное, что волнуетъ и смущаетъ всѣхъ сектантовъ въ православной церкви, чего они ищутъ и избѣгаютъ и что составляетъ ихъ внутреннюю основу и сущность. Значитъ, хронологическій порядокъ изученія рус-

сихъ сектъ полезенъ не только съ теоретической, но и съ практической стороны, не только для того, чтобы опредѣлить и изяснить религіозное самосознаніе народа и его идеалы, но и для того, чтобы затѣмъ и направить это самосознаніе на правый путь чрезъ открытіе ему его заблужденій и выясненіе истины“.

Трудно намѣтить конечныя цѣли изученія нашего сектантства лучше и вѣрнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ сейчасъ приведенныхъ словахъ. Но, соглашаясь вполне въ этомъ пунктѣ съ авторомъ разсматриваемой статьи, мы рѣшительно недоумѣваемъ, почему выясненіе „религіозныхъ терзаній и радостей народа, его исканій, желаній и идеаловъ“ онъ считаетъ осуществимымъ *только* при условіи изученія русскихъ сектъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ происхожденія. Такое утвержденіе имѣло бы вѣсь единственно лишь въ томъ случаѣ, если бы русскій народъ не только въ цѣлой массѣ, но и во всѣхъ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, отторгавшихся отъ православнаго единства, неизбѣжно проходилъ въ неизмѣнной послѣдовательности чрезъ всѣ исторически извѣстныя формы русскаго сектантства. Но, безъ сомнѣнія, и самъ авторъ не хуже насъ знаетъ, что въ дѣйствительности этого нѣтъ, и нѣтъ никакой возможности съ научною основательностью констатировать историческое преемство и взаимную связь всего цикла религіозно-сектантскихъ идей. Такая преемственность и внутренняя связь существуетъ несомнѣнно между *нѣкоторыми* сектами, но мы глубоко убѣждены, что для достиженія вышеуказанныхъ практическихъ цѣлей не произойдетъ замѣтнаго ущерба, если любая изъ сектъ будетъ изучена лицомъ, готовящимся къ борьбѣ съ нею, какъ совершенно особая, типически - опредѣлившаяся форма народной внѣ-церковной религіозности, въ связи съ современно-бытовыми условіями той части русскаго народа, которая составляетъ среду ея преимущественнаго распространенія. Вѣдь для практическаго дѣятеля миссіи въ концѣ концовъ важно не столько то, откуда когда-то, въ далекія времена, возникла извѣстная сектантская доктрина, сколько содержаніе этой послѣдней въ исповѣданіи ея живыхъ наличныхъ представителей, ея основанія и тѣ духовныя запросы, удовлетворенія которыхъ ищетъ сектантъ въ исповѣдуемомъ имъ ученіи. Не представляя, такимъ обра-

зомъ, необходимости въ чисто-практическомъ отношеніи, извѣстная послѣдовательность и система составляютъ, однако, необходимое требованіе при научной разработкѣ и школьномъ преподаваніи исторіи русскаго сектантства. Но руководиться въ этомъ случаѣ простою хронологіей значить, въ существѣ дѣла, отказаться отъ всякой научной системы. Въ самомъ дѣлѣ, проводя послѣдовательно принципъ нашего автора, настаивающаго на единствѣ общественной почвы и условій возникновенія всѣхъ формъ русскаго сектантства и указывающаго на постоянное воздѣйствіе ихъ одной на другую, нужно было бы излагать собственно не исторію отдѣльныхъ сектъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, а одно за другимъ всѣ событія, какой бы секты они ни касались. Разумѣется, въ результатъ получилась бы подробная *лѣтопись*, а отнюдь не исторія русскаго сектантства. Не избѣжали бы мы затрудненій, препятствующихъ, по мнѣнію автора, принятію какой-либо систематической группировки сектъ, и при такомъ примѣненіи хронологическаго порядка, когда историческому очерку каждой секты было бы отведено мѣсто соотвѣтственно послѣдовательности ея возникновенія. Вѣдь взаимодѣйствіе сектъ, для болѣе рельефнаго отдѣленія котораго рекомендуется этотъ порядокъ, проявляется не только въ томъ, что болѣе раннія изъ нихъ готовятъ *иногда* почву для послѣдующихъ, но и въ обратномъ воздѣйствіи сектъ, болѣе позднихъ по происхожденію, на ученіе и культъ болѣе раннихъ сектъ. Въ виду этого волей-неволей пришлось бы въ концѣ концовъ допустить одно изъ двухъ: или перетасовать мелкіе отдѣлы изъ исторій всѣхъ сектъ, вліявшихъ одна на другую, придя такимъ образомъ къ тому же лѣтописному порядку, или же ввести въ изложеніе исторіи болѣе раннихъ сектъ указанія вліяній на нихъ сектъ послѣдующихъ ранѣе специальныхъ трактатовъ объ этихъ послѣднихъ и ранѣе какого-бы то ни было упоминанія о другихъ, хронологически среднихъ моментахъ исторіи русскаго сектантства. Все это, думается намъ, достаточно ясно показываетъ, какъ ошибочно увлеченіе нашего автора хронологіей въ ущербъ научной системѣ. Не менѣе ошибочнымъ нужно признать и его стремленіе чуть-ли не къ отождествленію всѣхъ сектъ, на основаніи ихъ происхожденія „изъ религіознаго сознанія одного

и того же народа“ и ихъ постояннаго вліянія одной на другую, вмѣсто разграниченія типическихъ формъ русскаго сектантства. Мы вполне понимаемъ его точку зрѣнія въ данномъ случаѣ,—точку зрѣнія миссіонера-практика, которому чаще всего приходится наблюдать не эти типическія формы, а различныя ихъ комбинаціи, свидѣтельствующія о непрерывномъ взаимодействіи сектантскихъ идей и сліяніи ихъ въ религіозномъ воззрѣніи живыхъ представителей сектантства. Но такое соединеніе точно такъ же не препятствуетъ признанію типически-опредѣленныхъ доктринъ и изученію этихъ послѣднихъ въ отдѣльности, какъ не препятствуетъ эмпирически наблюдаемое соединеніе химическихъ элементовъ отысканію и научному анализу ихъ въ ихъ первичной простотѣ. Не отрицаетъ, конечно, существованія такихъ типическихъ формъ и нашъ авторъ, какъ не станетъ отрицать и всякій, хоть сколько-нибудь знакомый съ ученіемъ и культомъ нашихъ сектъ. А если такъ и если, слѣдовательно, существуютъ извѣстные характеристическіе признаки, составляющіе въ отдѣльности или въ различныхъ своихъ комбинаціяхъ типическія отличія однѣхъ сектъ отъ другихъ, то возможна и научная классификація сектъ по различію и сходству этихъ признаковъ. И само собою понятно, что она можетъ только содѣйствовать какъ правильному пониманію ихъ генезиса, такъ и выработкѣ цѣлесообразныхъ пріемовъ борьбы съ ними, а отнюдь не создавать затрудненія къ тому. Во всякомъ случаѣ, странно опасаться, что изученіе русскаго сектантства, построенное на такомъ разграниченіи его типическихъ формъ и на ихъ научной классификаціи, можетъ послужить для изучающаго источникомъ большихъ недоразумѣній и даже „поставить его втупикъ“ въ томъ случаѣ, когда онъ въ дѣйствительности встрѣтится съ смѣшеніемъ элементовъ различныхъ сектъ въ сознаніи и вѣроученіи какого-нибудь новаго сектанта или новой общины. Предположить что-либо подобное можно лишь при крайней нелѣпости преподаванія или при феноменальномъ тупоуміи изучавшаго, чего, конечно, нельзя принимать во вниманіе при рѣшеніи даннаго вопроса. Послѣдній, такимъ образомъ, всецѣло сводится къ тому, насколько правильна сама по себѣ принятая классификація сектъ. Не станемъ отрицать того, что раздѣленіе ихъ на рационалистиче-

скія и мистическія имѣтъ въ своей основѣ лишь относительное преобладаніе того или другого элемента въ ученіи различныхъ сектъ; но преобладаніе это настолько рѣзко и значительно, что въ концѣ концовъ его не отрицаетъ и нашъ авторъ, попытки же его сгладить это различіе указаніемъ на переходныя формы и совершеннымъ отстраненіемъ изъ круга своихъ разсужденій такихъ сектъ, какъ штундизмъ и пашковщина, отличаются больше изворотливостью семинарской діалектики, чѣмъ убѣдительностью приводимыхъ доказательствъ. Считая излишнимъ разсматривать ихъ подробно, съ своей стороны мы рѣшительно склоняемся къ той мысли, что безъ всякаго ущерба для дѣла въ качествѣ научной классификаціи сектъ можетъ быть сохранено установившееся раздѣленіе ихъ на двѣ группы въ зависимости отъ того, разумъ ли человѣческій, старающійся самостоятельно постигнуть и истолковать „писаніе“, или же личное чувство съ непосредственнымъ и таинственнымъ откровеніемъ въ немъ Божества признается за *главную* основу религиозныхъ вѣрованій и жизни. Такое подраздѣленіе сектъ и въ миссіонерско-практическомъ отношеніи имѣтъ ту несомнѣнную цѣну, что сразу указываетъ борцу съ сектантскими заблужденіями ихъ основной источникъ и ту психологическую сферу, къ которой прежде всего должны быть обращены доказательства ихъ несостоятельности. А это чрезвычайно важно, такъ какъ устранить коренную рознь исходныхъ началъ есть первая задача того, кто хочетъ вести своего противника отъ заблужденій къ истинѣ.

Изъ специальныхъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ видамъ и проявленіямъ современнаго сектантства, отмѣтимъ статью г. Булгакова о „новой сектѣ хехулитовъ, или каюковъ“. Названная секта, распространяющаяся преимущественно среди простаго рабочаго класса нашей сѣверной столицы, получила начало въ Финляндіи и представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ лютеранства, отличаясь отъ другихъ рационалистическихъ сектъ, возникшихъ изъ того же источника (штундизмъ и пашковщина), большею терпимостью къ обрядовой сторонѣ православно-христіанской религіи (къ иконамъ, крестному знамени и т. п.) и въ особенности — своимъ ученіемъ о необходимости покаянія въ грѣхахъ, какъ главнаго средства духовнаго возрожденія къ

благодатной жизни и дальнѣйшаго укрѣпленія въ ней. Этой послѣдней особенноти и обязана секта однимъ изъ названій своихъ послѣдователей—*каюки* (сокращенно-испорченное слово: „кающіеся“). Покаяніе и отпущеніе грѣховъ совершается слѣдующимъ образомъ: „Хехулитъ или хехулитка, чувствующіе на своей совѣсти какую-либо тяжесть и испытывающіе потребность въ покаяніи, заявляютъ объ этомъ грѣхѣ вслухъ всего собранія съ полнѣйшею откровенностію. Тогда каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ кающемуся или кающейся и, кладя свою руку на плечо грѣшника, говоритъ: „по вѣрѣ твоей прощается тебѣ грѣхъ твой“ или: „именемъ Іисуса Христа прощаются тебѣ грѣхи твои“ и т. п. Вообще у хехулитовъ опредѣленной разрѣшительной формулы для кающихся грѣшниковъ не существуетъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ хехулитовъ исповѣдь и отпущеніе грѣховъ соединяются съ обрядами, поражающими наблюдателя своимъ курьезнымъ реализмомъ; такъ, въ дер. Ку—но, Ямбургскаго уѣзда, въ собраніе приносится небольшая кадочка; каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ этой кадочкѣ и, наклоняясь надъ ней, шепотомъ исповѣдуетъ свои грѣхи; послѣ того наставникъ покрываетъ верхъ кадочки полотномъ, тщательно и крѣпко увязываетъ это полотно бичевкой, затѣмъ эту кадочку, „наполненную грѣхами“, выноситъ вонъ и зарываетъ гдѣ-либо въ укромномъ мѣстѣ“. Получившіе такимъ образомъ прощеніе грѣховъ и освободившіеся отъ духовнаго бремени сектанты, по ихъ словамъ, испытываютъ необыкновенную радость (отсюда—другое названіе сектантовъ: „хехулиты“—веселящіеся), которая стремится вылиться наружу и выразиться въ тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ, подобныхъ, напр., скаканію Давида предъ ковчегомъ (2 Цар. 11, 14—16) и т. п. Иногда эти дѣйствія, по замѣчанію автора, носятъ на себѣ явные признаки „физическаго нервоза“, при чемъ религіозная аффектація выражается въ плачѣ, судорожныхъ движеніяхъ и восторженно-громкихъ крикахъ: „Христось—учитель нашъ, Онъ—нашъ, Господь—нашъ“. Любопытно, что эти явленія наблюдаются преимущественно у природныхъ финляндцевъ,—обстоятельство, заслуживающее, какъ намъ кажется, вниманія при выясненіи генезиса подобныхъ проявленій религіозно-сектантской экзальтаціи. Хотя авторъ и называетъ секту хехулитовъ „новою“ въ за-

главиі своей статьи (напечатанной въ февральск. книжкѣ „Мисс. Обзор.“, стр. 248—254), однако изъ этой же послѣдней видно, что эта новизна—довольно относительная, такъ какъ со времени смерти основателя секты, каковымъ считается пасторъ Лестадиусъ, прошло уже болѣе 40 лѣтъ (онъ умеръ 21 февр. 1861 г.); случалось намъ встрѣчать и кое-какія отрывочныя свѣдѣнія о сектѣ въ петербургскихъ газетахъ. Но болѣе или менѣе подробное сообщеніе о хехули-тахъ, насколько намъ извѣстно, дается впервые въ излагаемой статьѣ, и въ этомъ отношеніи она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Думаемъ, что вышеизложенныхъ замѣчаній о статьяхъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ достаточно для ознакомленія читателей съ содержаніемъ этого журнала за истекшее полугодіе. Другой спеціальнѣйшій журналъ—рязанскій „Миссіонерскій Сборникъ“—отводитъ добрую половину своихъ трехъ книжекъ хроникѣ мѣстнаго раскола-сектантства и миссіи, а также иноепархіальному обзорѣнію тѣхъ же самыхъ сторонъ церковной жизни. Здѣсь содержится не мало интересныхъ свѣдѣній, останавливаться на которыхъ мы, однако, не имѣемъ возможности, не желая увеличивать объемъ и безъ того уже очень разросшагося настоящаго обзора. Изъ остальныхъ статей наиболѣе интересными нужно признать тѣ, которыя представляютъ собою собственно сырой матеріалъ для изученія сектантства и раскола. Таковы опубликовываемые г. Кальневымъ протоколы штундистскихъ конференцій (кн. 3, стр. 278—290), а также рассказы лицъ, обратившихся въ православіе, о ихъ прежней жизни въ расколѣ. Въ высшей степени характерная сцена требоисправленія у бѣглопоповцевъ передается въ одномъ изъ такихъ рассказовъ, напечатанномъ въ 1 книжкѣ „Мисс. Сборника“ (стр. 28—36). Дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является нѣкій Амосъ Андроньевъ Сагроновъ, занимавшійся провозомъ бѣглыхъ поповъ въ Области Войска Донскаго. „Этотъ Амосъ въ хуторъ Рогожинскій привезъ попа Прокопія, стараго, еле дышащаго: ему было около девяноста лѣтъ. Требъ накопилось много, такъ что нужно было окрестить около 50 младенцевъ. Батюшка же былъ старъ, и кромѣ того очень пьянъ, почему требы совершались при батюшкѣ спящемъ на стулѣ въ сидячемъ положеніи. И какъ только онъ начинаетъ глазами немного

смотреть, такъ тотчасъ же требовалъ водки и непременно въ соучастіи съ своимъ жожакомъ Амосомъ. Амосъ бралъ бутылъ и рюмку и говорилъ: „ну-ка, батюшка, выпьемъ по одной“, не наливая себѣ водки, а только стуча рюмкой объ бутылъ; затѣмъ наливаетъ попу со словами: „ну, теперь, батюшка, ты выпей, какъ я выпилъ“.—„Брепешь, проклятый Амосъ“, бормоталъ пьяный попъ: „ты не пилъ,—давай-ка я выпью“. Какъ только сдѣлаетъ повтореніе изъ бутылки попъ, и снова покатится спать. Дѣло же идетъ своимъ чередомъ. Подошло время погружать младенцевъ въ воду. Батюшка сдѣлался еще пьянѣе. Амосъ, какъ привычный къ этому дѣлу и имѣя денежный расчетъ (такъ какъ онъ уже деньги, по одному рублю, собралъ за каждого младенца), завязываетъ полы позади халата, засучаетъ рукава и принимается погружать младенцевъ. Подошло время ходить вокругъ купели. Нѣсколько человекъ берутъ стулъ со спящимъ попомъ и носятъ его кругомъ купели, какъ мертвый трупъ, съ пѣніемъ: „Елицы во Христа“ и проч. Не успѣли обнести три раза, какъ нашъ попъ отъ шума, къ великому горю, проснулся и закричалъ дурнымъ необычнымъ голосомъ: „што вы дѣлаете, проклятые раскольники, куда вы меня несете? время выпить!“ Такъ совершилось крещеніе нашихъ малютокъ по древнему требнику безъ малѣйшаго пропуска, съ пьянымъ полумертвымъ попомъ“. Все шло гладко, никого не смущая, до тѣхъ поръ, пока захмѣлѣвшій отщепенецъ православнаго священства не благословилъ кого-то именованно. Это послѣднее дѣйствіе произвело крайній соблазнъ среди раскольниковъ, и старики, посовѣтовавшись между собою, рѣшили оставить бѣглыхъ поповъ и перейти къ „австрійцамъ“. Фактъ весьма выразительный, свидѣтельствующій о степени озлобленія раскола противъ православной церкви—съ одной стороны, а съ другой—о лицемеріи тѣхъ ссылокъ на нравственные недостатки православнаго духовенства, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать раскольники въ оправданіе своего отчужденія отъ православной церкви.

Изъ общихъ богословскихъ журналовъ заслуживаетъ упоминанія въ настоящемъ обзорѣ „Христіанское Чтеніе“, въ мартовской книжкѣ котораго (стр. 326 — 350) помѣщена актовая рѣчь профессора Петербургской духовной академіи

П. Смирнова: „Значеніе женщины въ исторіи русскаго старообрядческаго раскола“. Авторъ начинаетъ съ указанія нѣсколькихъ группъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о численномъ преобладаніи женской половины въ общей массѣ раскольническаго населенія и о видномъ значеніи, какое принадлежитъ этой половинѣ въ прошлыхъ историческихъ судьбахъ и въ современной жизни старообрядчества. Обиліе и матеріальное процвѣтаніе женскихъ монастырей, пустыней и скитовъ въ XVIII в., существованіе особыхъ „согласій“ и „толковъ“, основанныхъ и руководимыхъ женщинами, отправленіе ими же священнодѣйствій не только въ безпоповщинѣ, но и въ поповщинѣ, сравнительно широкое распространеніе грамотности среди раскольниковъ, наконецъ всегдашняя преимущественная устойчивость женскаго элемента какъ въ смыслѣ охранительномъ, такъ и прозелитическомъ, — вотъ тѣ характерныя явленія въ жизни нашего раскола, которыя отмѣчаетъ г. Смирновъ съ обычною для его работъ точностью и полнотою фактическихъ указаній. Не менѣе основательны и тѣ объясненія, какія даетъ онъ этимъ явленіямъ во второй половинѣ своей статьи. Для примѣра приведемъ замѣчанія его объ охранительномъ значеніи женщины въ отношеніи къ бытовой сторонѣ раскола, разобщающей его отъ православія не меньше чисто - религіозныхъ вопросовъ. „Расколъ — говоритъ нашъ авторъ — отвергалъ, какъ и доселѣ отвергаетъ, не одну только церковь послѣ патріарха Никона, но и всю Русь послѣ царя Петра. Вмѣстѣ съ двуперстіемъ и сугубой аллилуіей онъ защищаетъ еще домашній до-петровскій бытъ. Онъ трактуетъ о нашихъ пальто и галстукахъ, о нашихъ картинахъ и обѣдахъ, о табакокуреніи, брадобрити, и — что весьма важно—трактуетъ опять съ той же религіозной точки зрѣнія. „Россіяне, дворяне и прочіе, говоритъ расколъ, въ домовномъ житіи, и въ устроеніи всякомъ, и во всемъ всѣ обычаи и поступки лютерокальвинскія содержатъ“. Отсюда охраненіе бытовой области отъ вторженія въ нее чего-либо чуждаго было для раскола столь же существенно, какъ и охраненіе области собственно церковной. Исторія показала даже, что бытовая сторона раскола весьма часто была еще менѣе доступна для разрушенія, чѣмъ церковная. Но само собою разумѣется, что первую ступень на этомъ пути представляла собою семья,

какъ охранитель собственно „домовнаго житія“, а первымъ дѣятелемъ являлась женщина, какъ естественный хозяинъ послѣдняго. Важно здѣсь было собственно то, что устройство домашняго быта велось на началахъ религіозныхъ. Будучи введена въ эту область самую жизнь и потому имѣя всѣ средства для наблюденія даже за мельчайшими подробностями домашняго быта, женщина владѣла историческою подготовкою и къ тому, чтобы сразу же, съ самаго начала потребности, придать этимъ подробностямъ религіозный отгѣнокъ, найти въ немъ ихъ объединеніе и тѣмъ сообщить силу и самому дѣлу охраненія ихъ. Поэтому-то мы и видимъ, что въ раскольнической семьѣ подъ вліяніемъ женщины поддерживалось такое отвращеніе къ быту послѣпетровскаго общества, которое весьма нерѣдко одерживало побѣду даже надъ убѣжденностію въ церковной неправотѣ раскола. Сила этого отвращенія заключалась именно въ его религіозной окраскѣ“. Свои наблюденія и выводы относительно значенія женщины въ старообрядчествѣ авторъ ставитъ въ прямую связь съ вопросомъ объ особенностяхъ и условіяхъ современной противораскольнической миссіи. Онъ возлагаетъ большія надежды на привлеченіе къ ней женщины, такъ много въ прошломъ сдѣлавшей для раскола. „Дайте ей въ руки свѣтильники возженные—и она больше сотворитъ. Православной миссіи уже около двухъ сотъ лѣтъ не чуждо сознаніе, что успѣхъ борьбы съ расколомъ можетъ быть достигнутъ не безъ содѣйствія женщины. Нынѣ весьма не рѣдко слышатся убѣжденные голоса — и за то, что въ расколѣ прежде всего нужно обратить вниманіе на просвѣщеніе и миссію среди женщинъ, и за то, что это должно быть сдѣлано при участіи самой же православной женщины. Къ сожалѣнію, попытки примѣненія этого къ жизни еще слишкомъ единичны и робки. Нельзя не пожелать, чтобы это дѣло расширилось и получило одну общую поддержку“. Такъ заканчиваетъ свою рѣчь г. Смирновъ. Вполнѣ присоединяемся и мы къ его пожеланію.

Въ заключеніе нашего обзора приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ печатающейся въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ интересной переписки бывшаго профессора московской духовной академіи, Н. И. Субботина, съ извѣстнымъ борцомъ противъ раскола, покойнымъ о. архимандритомъ Павломъ

(Пруссимъ). Переписка эта, продолжавшаяся около тридцати лѣтъ ¹⁾, на ряду съ чисто личными подробностями, содержитъ въ себѣ много свѣдѣній, имѣющихъ и несомнѣнный общій интересъ. Читатель найдетъ здѣсь обильный матеріалъ не только для личной характеристики нѣкоторыхъ недавнихъ и современныхъ дѣятелей, но и для выясненія нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ исторіи правительственныхъ отношеній къ расколу и литературной борьбы съ нимъ, вмѣстѣ съ сужденіями самихъ авторовъ писемъ обо всемъ выдающемся въ жизни раскола и миссіи за извѣстное время. Весьма интересно, напримѣръ, для иллюстраціи взглядовъ на единовѣріе и отношеній къ нему пѣкоторой части православнаго духовенства письмо архим. Павла отъ 21 авг. 1884 г., гдѣ разсказывается объ одномъ свиданіи его съ К. П. П. въ присутствіи В. К. и московскаго протоіерея, члена консисторіи, И. Н. Р. Во время этого свиданія разговоръ коснулся, между прочимъ, вопроса о дозволеніи православнымъ священникамъ совершать нѣкоторыя требы для старообрядцевъ, присоединившихся къ церкви на правахъ единовѣрія, по старопечатнымъ книгамъ. Поводомъ къ разговору послужилъ такой случай: „мальковскіе единовѣрцы, еще не имѣющіе своей церкви и своего священника, а также и по близости не имѣющіе единовѣрческихъ священниковъ, хорошо понимая сущность единовѣрія, стали просить, чтобы православный священникъ ближняго прихода, къ которому они, бывши раскольниками, и были причислены, исправлялъ у нихъ требы, а иногда и службу въ ихъ часовнѣ—утреню, вечерню и часы, по старымъ книгамъ. Священникъ, какъ и слѣдовало, письменно обратился за разрѣшеніемъ къ владыкѣ—митрополиту, а владыка сдалъ дѣло въ консисторію“. Разсказавши объ этомъ, о. архимандритъ довольно опредѣленно высказался за удовлетвореніе такого ходатайства,

¹⁾ Часть ея, обнимающая первые двѣнадцать лѣтъ (1867—1879 гг.), была издана проф. Субботинымъ въ „Братскомъ Словѣ“ за 1896 г. (кн. 8—12) и затѣмъ отдѣльною книжкою, подъ заглавіемъ: „Ко дню годовичнаго поминовенія въ Бозѣ почившаго архимандрита Павла“. Съ прекращеніемъ „Братскаго Слова“ прервалось и печатаніе этой переписки, возобновившееся затѣмъ съ прошлаго года въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ подъ заглавіемъ: „Еще пятнадцать лѣтъ служенія церкви борьбой съ расколомъ“; подъ этимъ заглавіемъ продолжается оно и въ текущемъ году.

справедливо указывая, что отказать въ немъ значило бы только что обратившихся отъ раскола къ единовѣрью „гнать обратно въ расколъ“. Но о. Р. не согласился съ этимъ и даже съ негодованіемъ заявилъ, что подобнымъ ходатайствомъ единовѣрцы хотятъ подчинить православное духовенство „подъ свой обычай“. Напрасно собесѣдники старались доказать ему, что „единовѣрцы, прося православныхъ священниковъ отправлять у нихъ требы, не подчинить себѣ церковь хотятъ, а просятъ у церкви матерней любви и снисхожденія“: просвѣщенный представитель московскаго духовенства остался при своемъ мнѣніи по указанному вопросу, кстати сказать—недавно разрѣшенному Св. Синодомъ *въ утвердительнономъ смыслѣ*. „Вотъ вы и подумайте,—съ грустью замѣчаетъ по этому поводу о. Павелъ—какъ въ московской епархіи можетъ стать прочно важное дѣло противораскольнической миссіи. Григорій Богословъ и Василиій Великій снисходили духоворцамъ даже до того, что требовали не называть Духа Святаго тварію и терпѣливо ждали ихъ обращенія; а наша консисторія за неизмѣненіе обряда отталкиваетъ отъ церкви души человѣческія, за которыя Христосъ пролилъ кровь Свою! Грустно смотрѣть на это обрядовѣріе, простирающееся до того, что пренебрегается ради него человѣческое спасеніе“ (В. и Ц., кн. 1, стр. 86). Изъ письма о. Павла отъ 5 окт. того же года узнаемъ, что въ указанномъ ходатайствѣ единовѣрцевъ консисторія *отказалась*. Къ выясненію своихъ взглядовъ на единовѣріе въ его отношеніи къ православію покойный о. архимандритъ возвращается неоднократно въ своихъ письмахъ (см., напр., кн. 3, стр. 436—9). Но возставая противъ излишняго стѣсненія правъ единовѣрія, нерѣдко создаваемыхъ излишнею подозрительностью и косностью православныхъ, онъ въ то же самое время тщательно избѣгалъ всего, что могло бы подать самимъ единовѣрцамъ поводъ къ излишнимъ притязаніямъ, несогласнымъ съ правильнымъ пониманіемъ ихъ положенія въ отношеніи къ православной церкви. Въ высшей степени характерно для этого безкорыстнаго и смиреннаго служителя Христовой истины письмо его въ отвѣтъ на извѣщеніе о предположеніи Синода назначить о. Павла викаріемъ въ Новочеркасскъ или же возвести, его въ знакъ особаго вниманія, въ епископскій санъ, оставивъ настоятелемъ Ни-

кольскаго единовѣрческаго монастыря. „Занимаясь по силѣ моей своимъ дѣломъ,—писалъ онъ—я нахожу себя нѣсколько полезнымъ святой церкви; а принявши обязанности викарія, едва ли уже смогу принести какую пользу; да и обязанностямъ викарія, кажется, уже поздно мнѣ учиться. А принять санъ епископа, оставаясь въ томъ же Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, опасаясь, чтобы симъ не проложить дорогу для единовѣрцевъ стужать правительству объ учрежденіи единовѣрческихъ архіереевъ и тѣмъ не подать повода къ раздѣленію іерархической власти, что я не нахожу полезнымъ и даже считаю вреднымъ. Объ этой опасности вы сами знаете не хуже меня. А потому быть первымъ единовѣрческимъ архіереемъ я не имѣю желанія, особенно когда это сдѣлается только для того, чтобы почтить меня“ (В. и Ц., кн. 2, стр. 254—5). Чрезвычайно интересны также содержащіяся въ перепискѣ свѣдѣнія о соборѣ епископовъ въ Казани въ 1885 г. (кн. 3, стр. 425 — 6) и объ изданномъ отъ имени его „Воззваніи“ къ старообрядцамъ (кн. 4, стр. 591), о составленіи семинарской программы ученія о расколѣ (тамъ же, стр. 605—7). и т. п. Но размѣры настоящей статьи, которую давно пора кончить, не оставляютъ мѣста для новыхъ выдержекъ.

И. Громогласовъ.
